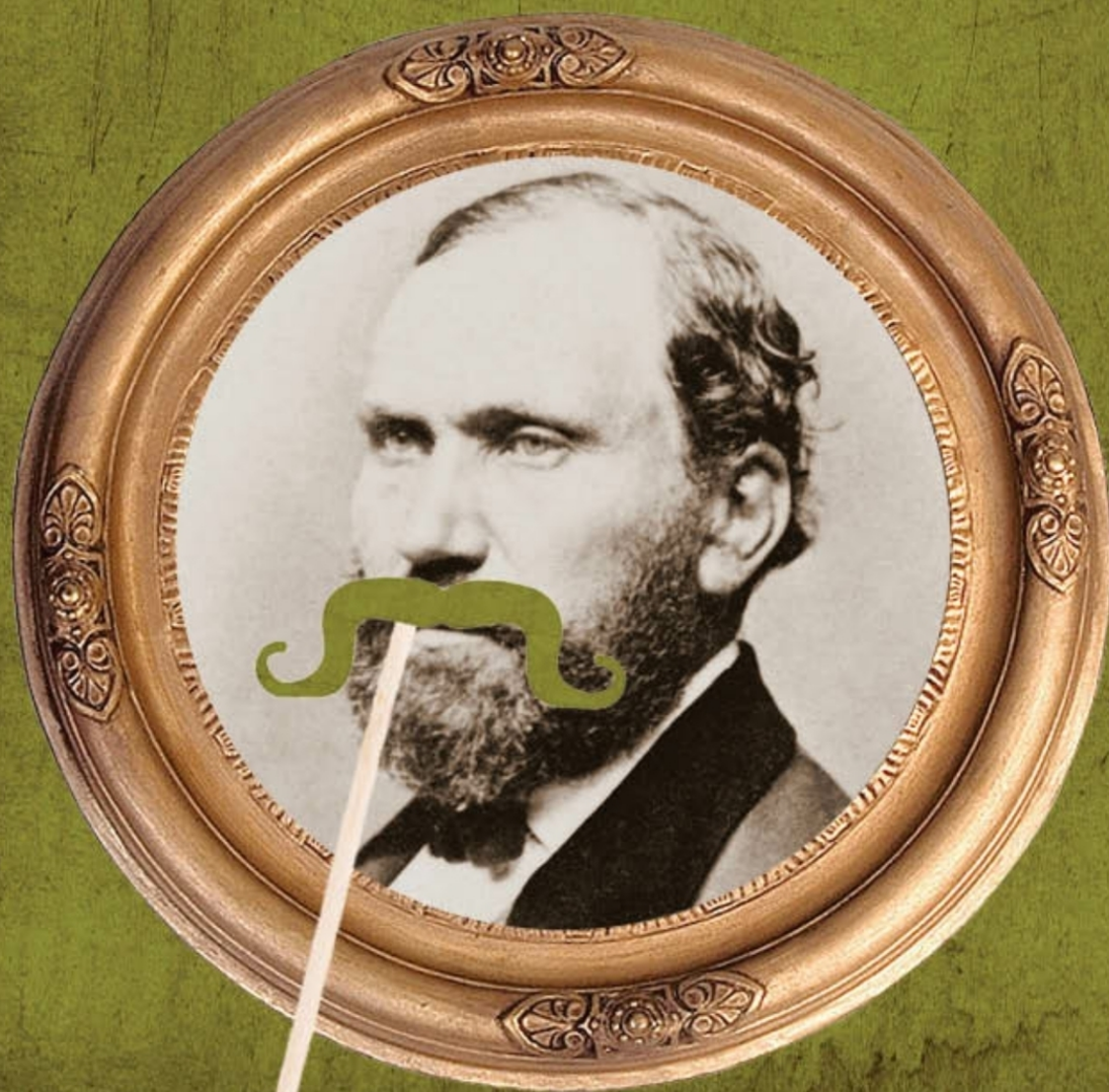

игра в детектив

Сергей Борисов

Дело инспектора
МакГроува

12+

Сергей Борисов
Дело инспектора МакГроува

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Дело инспектора МакГроува / С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Детектив – любимый жанр миллионов читателей. Нынче детективы издаются во множестве. Однако нередко их авторы придумывают загадки, над которыми мучительно бьются их сыщики, тогда как у читателей они вызывают лишь раздражение своей элементарностью. Проницательность истинных любителей детектива неоспорима, и знатоки дедукции могут еще раз это продемонстрировать, ознакомившись с логическими задачами, в основе которых случаи из практики Джека МакГроува, старшего инспектора Центрального полицейского управления американского города Мидл-сити. Если же кого-то постигнет неудача, то всегда можно заглянуть в конец книги, там есть ответы на все вопросы.

Содержание

Часть 1	5
Актив инспектора	5
История первая	5
Холодный расчет	5
История вторая	6
Смерть шутника	6
История третья	8
Графоман	8
История четвертая	10
Отчий дом	10
История пятая	11
Прощальное письмо	11
История шестая	13
Любопытный свидетель	13
История седьмая	15
Налет	15
История восьмая	16
Служебное расследование	16
История девятая	18
Покушение	18
История десятая	20
Зной в Акапулько	20
История одиннадцатая	22
Ложь	22
История двенадцатая	23
Смерть любовницы	23
История тринадцатая	25
В трущобах	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Часть 1

Актив инспектора

История первая

Холодный расчет

Город застыл в объятиях небывалого холода, но здесь, в залах Турецких бань Хиндемана, как и положено, властвовала жара. Престижное местечко. Для избранных.

Обнаженный человек лежал на полу лицом вверх, раскинув руки. Кровь запеклась на его узкой груди. Человека убили расчетливо, одним ударом. Прямо в сердце.

– Задержали всех, – доложил сержант Сноупс.

– Протесты были? – спросил старший инспектор Джек МакГроув.

– Как же без этого? Солидные люди. И с норовом.

– А ты скажи, что убийца кто-то из них. Наверняка успокоятся.

Сноупс кивнул и вышел, а когда вернулся, сообщил с усмешкой:

– Успокоились.

Лицо сержанта покраснело, по лбу градом катился пот. Он шагнул к окну и отдернул тяжелую штору. Солнечные лучи, дробясь в ледяных сталактитах, оставшихся после недавней оттепели, испятнали желтыми зайчиками дорогой итальянский кафель, которым были выложены пол и стены помещения. Сноупс приоткрыл форточку и полной грудью вдохнул свежий бодрящий воздух.

– Вот и полегче.

МакГроув повернулся к эксперту, склонившемуся над трупом.

– Что скажете, док?

– Повреждена аорта...

– Сэр, – посчитал возможным вмешаться Сноупс. – Мы обыскали каждый уголок. Два перочинных ножа и три пилки для ногтей – вот и весь улов.

Эксперт покачал головой:

– Тут что-то другое. Шило? Нет, диаметр отверстия больше.

– Наука бессильна, – с иронией возвестил инспектор.

– Подождем вскрытия, – обиделся эксперт.

МакГроув скептически хмыкнул, скрипнул каблуками по влажному кафелю и направился к двери. Сноупс последовал за ним.

Пройдя длинным сводчатым коридором, они ступили в зал тренажеров. Напряженная тишина, царившая до их прихода, взорвалась вопросами.

– Как долго вы намерены держать нас здесь? – грозно спросил лысоватый мужчина, в котором инспектор узнал помощника мэра Мидл-сити по градостроительству.

– Вам не кажется, что нам следует принять более цивилизованный вид? – с куда меньшей агрессивностью поинтересовался редактор крупнейшей городской газеты, возвращая недопитый стакан с виски на сервировочный столик – хлипкое на вид сооружение из горизонтальных стеклянных пластин и металлических стоек.

– Нет возражений, – обаятельно улыбнулся инспектор, обводя взглядом кутавшихся в простыни сильных мира сего. Сливки общества! С такими надо поделикатнее, иначе неприят-

ностей не оберешься. – Господа, я благодарен вам за содействие следствию и проявленное терпение. Лишь смерть мистера Гадри объясняет и извиняет те неудобства, которые мы вынуждены вам причинить.

– Лично я не понимаю, – буркнул помощник мэра, – чем могу быть вам полезен в дальнейшем.

– Вы окажете органам дознания неоценимую услугу, если объясните, каким образом Виктор Гадри получил подряд на строительство нового городского стадиона ...

– Вот это новость! – встрепенулся газетчик.

– ... о чем свидетельствуют документы из кейса покойного, – бесстрастно продолжил МакГроув.

– Он участвовал в конкурсе и победил, предложив кратчайшие сроки и минимальные цены, – неохотно сказал чиновник. – Но какое это имеет отношение к тому, что здесь произошло?

– Об этом мы побеседуем с глазу на глаз, – сказал инспектор. – Мистер Хиндеман любезно разрешил нам воспользоваться своим кабинетом. Я буду ждать вас там.

Помощник мэра исподлобья взглянул на полицейского и тяжело поднялся, опираясь на костыли. После недавней автомобильной аварии, он не мог сделать без них и шага.

В апартаментах хозяина заведения сержант Сноупс задал вопрос, который так и вертелся у него на языке:

– Вы считаете, это он отправил Гадри к праотцам?

Инспектор не спеша раскурил сигару, после чего сказал:

– Стадион будет построен на месте трущоб, принадлежащих фирме, которая является дочерней по отношению к компании, которую возглавлял Гадри. Чтобы выкупить эти халупы, муниципалитету придется изрядно раскошелиться. Поистине «золотое» дельце.

– Коррупция? – с сомнением поджал губы сержант. – Слишком просто! Так ведь можно и места лишиться. Мэр скандалов не любит. В случае чего спасти помощника не будет: откроется, отдаст газетным писакам на растерзание

– Скандалы никому не нужны, – согласился МакГроув, – политикам особенно, они их пуще огня боятся. Думаю, тут не обошлось без шантажа. У Гадри явно что-то было на помощника мэра и это «что-то» сделало того сговорчивым.

– Поговаривают, у него повышенный интерес к собачьим бегам, – заметил Сноупс. – Может, проигрался? Запустил лапу в казну, на этом его и прижучили...

– Не исключено, – инспектор пожал плечами. – Выясним.

– А убивать-то зачем? – не унимался сержант.

– Шантажисты обычно умирают раньше срока. Безнаказанность провоцирует жадность. Они требуют все больше и больше, не ожидая сопротивления, а жертва внезапно показывает клыки.

– Я вот еще чего в толк не возьму, – сказал Сноупс, – чем же его пырнули?

– Ну, это понятно, – отмахнулся инспектор.

Чем было совершено убийство?

История вторая

Смерть шутника

Компания была в шоке. Не удивительно: их приятель Курт Джонсон, хозяин стоявшего на взгорке охотничьего домика, крытого веселой красной черепицей, лежал у затухающего костра с дыркой во лбу.

– У него были враги? – спросил инспектор МакГроув.

– Были! – Высокий блондин поднес к губам сигарету. Его пальцы дрожали. Губы тоже. – Сколько угодно!

Инспектор удивленно и вопрошающе приподнял брови. Учитывая обстоятельства, это было смелое заявление.

– Курт ни к чему не относился серьезно, – продолжал молодой человек. – В его иронии было много злости. Он развлекался, делая гадости. Мне кажется, только от этого он и получал удовольствие. Но ему все прощалось, потому что он был по-настоящему обаятельной и незаурядной личностью. К тому же всегда искренне раскаивался.

– Что не мешало ему снова пускаться во все тяжкие, – подхватил МакГроув. – Среди присутствующих есть пострадавшие от его шуток?

– Почти все, – блондин нахмурился. – Я не исключение.

– Поподробнее, пожалуйста, – сказал инспектор.

Молодой человек сжал губы.

– Лучше расскажите сами, – мягко посоветовал МакГроув. – Мы ведь все равно узнаем.

После паузы блондин коротко взглянул на полицейского и тут же опустил глаза, словно увидел под ногами что-то безумно интересное.

– Курт подговорил своего знакомого актера позвонить Ненси, моей невесте, представившись антрепренером бродвейского театра. Якобы он увидел ее в студенческом спектакле, совершенно очарован ее мастерством и потому намерен предложить ей роль в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь». Разумеется, Ненси обрадовалась, загорелась и согласилась на встречу. А потом... Он опоил ее и сфотографировал в самом nepотpeбном виде. И исчез.

– А фотографии?

– Их прислали мне. Такой же конверт получила и Ненси. Она была раздавлена и унижена происшедшим. Стыд жег ее. Она собралась и уехала из города. Я не знаю, где она сейчас.

– Как вы догадались, что тут замешан Джонсон?

– Он сам об этом сказал.

– То есть?

– Напомнил разговор, в котором я посетовал, что не могу поручиться за крепость наших с Ненси отношений, что вот если бы существовал некий тест... В общем, Курт якобы хотел как лучше.

– Вы поверили?

– У меня не было доказательств его злого умысла.

– Но подозрения на сей счет были?

Молодой человек кивнул.

– И все-таки вы продолжали с ним встречаться...

– От случая к случаю.

МакГроув достал сигару, повертел ее в пальцах и сунул обратно в карман.

– Мистер Смит, когда вы оставили Джонсона у костра, он не выказывал признаков беспокойства, нервозности?

– Нет. Мы поговорили о побеге Стива Козловски из тюрьмы Мидл-сити, а потом я спустился к озеру. Вы не знаете, этого маньяка еще не поймали? Это верно, что он оставляет на месте преступления выложенные полукругом стреляные гильзы, ну, вроде как визитную карточку? Правда, что именно из-за этого он получил кличку Стрелок? Говорят, он бродит где-то в этих местах.

– Говорят... – неопределенно протянул МакГроув. – Спасибо.

Блондин отошел. Его место занял субтильный юноша в очках и с длинными сальными волосами, назвавшийся Джимом Деррелом. С ним инспектор повел себя достаточно бесцеремонно, сразу спросив, не является ли собеседник еще одной жертвой злой фантазии Курта

Джонсона. Выяснилось, что не далее как месяц назад юноша познакомился с очаровательной девушкой, влюбился без памяти, а она на поверку оказалась проституткой, выполнявшей необычный, но денежный заказ: ей было предложено соблазнить паренька, на которого ей укажут, уложить его в постель, а потом выдать правду о себе. Как позже объяснил Джонсон, затеявший эту интригу, он хотел развеять розовые грезы приятеля, наглядно продемонстрировав, что от женщин можно ждать чего угодно, что все они по сути своей гулящие девки и разница между ними лишь в цене, которую они требуют за свои услуги, и обертке, то есть в наличии стильной одежды, квартиры, машины, обеспеченных родителей или отсутствия всего этого.

– Жестокий урок, – сказал инспектор, выслушав рассказ юноши. – Вы не обиделись на Джонсона?

– На что же тут обижаться? – печально произнес Деррел. – Он прав. В этом мире нет места мечтателям.

Следующим собеседником старшего инспектора Джека МакГроува стала несовершеннолетняя Глория Дарк. О покойном она отзывалась восторженно, наверное, потому, что не успела пострадать от его шуточек. Как свидетель она интереса не представляла, чего нельзя было сказать о разбитной брюнетке, сразу затараторившей с немислимой скоростью:

– Мы купались. Жарко, а вода такая теплая... Кричали, даже пели. Потом из леса вышел Брет, разделся и прыгнул в воду. Сказал, что мясо скоро будет готово, Курт позовет нас. Пару раз окунувшись, Брет выбрался на берег и выключил магнитофон: он не любит тяжелый рок, говорит, от него барабанные перепонки лопаются. Поставил что-то душещипательное... Тут-то мы и услышали хлопок, но не обратили на него внимания, а это был выстрел... Курт все не звал и не звал нас, вот мы и пошли... А он лежит...

Терпеливо выслушав брюнетку, МакГроув поблагодарил ее, после чего посмотрел на сержанта Сноупса, взглядом приказав тому быть настороже. Сержант наклонил голову, давая понять, что понял приказ и как бы невзначай положил руку на кобуру.

Наконец-то раскурив сигару, инспектор пошел к дому, размышляя о том, куда мог деться пистолет, из которого застрелили Джонсона. Остановившись у костра, МакГроув поворошил угли носком ботинка и увидел то, что ожидал увидеть. Теперь он точно знал, кто убийца.

Так что же увидел инспектор МакГроув?

История третья

Графоман

Джерри Ларкин дружил с Джеком МакГроувом с детства. Они жили в соседних домах, и до поры их связывало поразительное единство интересов: бейсбол, марки и книжки про сыщиков. Когда пришло время вступать во взрослую жизнь, их пути разошлись. МакГроув стал полицейским, Ларкин занялся книжным бизнесом. Тем не менее, они сохранили теплые товарищеские отношения и раз в месяц вместе завтракали в любимом кафе «Три петушка». И неизменно Джерри заводил разговор о том, чтобы инспектор стал консультантом его фирмы, ибо специализировалось издательство на детективах. Сегодняшняя встреча не стала исключением.

– Мне их в жизни хватает, – фыркнул инспектор.

– Ага, понимаю, – точно китайский болванчик, закивал издатель. – Жизнь всякой выдумки странней, как говаривал классик. Да только отчего-то так получается, Джек, что дела, которыми ты занимаешься, все какие-то невыразительные, серые, убогие, без огонька. Пьяные драки, поножовщина, кто-то кого-то избил с пьяных глаз, кто-то кого-то пришел ненароком... К примеру, твое последнее расследование. Железнодорожника из ремонтной бригады центрального депо Мидл-сити придавило колесной парой. Ты доказал, что его напарник спе-

циально ослабил цепь подъемника... И ради чего все эти ухищрения? Чтобы занять место старшего по смене. Какая проза! Потому я и утверждаю, что истинную прозу бытия создает воображение писателя, а уж никак не будни с их неприглядностью и тоской. Они забудутся, а книги останутся, и по ним грядущие поколения будут судить о дне сегодняшнем.

– Не обольщайся, – ухмыльнулся инспектор, – творения твоих борзописцев не переживут и года. И слава Богу! Иначе поколения, о которых ты толкуешь, будут иметь весьма превратное представление о своем прошлом.

– Насмехаешься? – насупился Ларкин, отодвигая тарелку.

МакГроув раскурил сигару.

– Когда ты начинаешь изъясняться слишком красиво, Джерри, меня так и подмывает щелкнуть тебя по носу.

– На сей раз тебе это не удалось.

– Неужто ты раскопал настоящий талант? Что, какой-нибудь непризнанный гений?

Ларкин достал сигареты, чиркнул золотой зажигалкой, пыхнул ароматным дымком.

– Конечно, это не Рекс Стаут, не Спиллейн и не Гришэм. Но парень – прирожденный детективщик! Он пришел к нам месяц назад, оставил рукопись и испарился. Папка, самая обыкновенная картонная папка с завязками, валялась на столе у моего заместителя и рано или поздно перекочевала бы в корзину для мусора, но – бывает же! – один наш давний автор, подписав очередной контракт и переживая внезапный ливень, со скуки открыл папку и начал читать, а потом... Как ты думаешь, что он сделал потом?

– Дочитал до конца и посоветовал тебе обратить на молодое дарование самое пристальное внимание.

– Ничего подобного! Он сунул рукопись под пиджак и попытался вынести. Представляешь? К счастью, у моей секретарши глаза, как у орлицы. Застукала, вцепилась пиявкой... Был жуткий скандал. Ссылки на клеptomанию не помогли. Он просто хотел украсть сюжет, а то и всю книгу целиком, чтобы потом, чуть-чуть перелицевав, выдать за свое сочинение. Каков мошенник!

– Что же это за книга такая? – спросил МакГроув.

– А, разобрало! Мы тоже сгорали от любопытства.

– Ты и сейчас тлеешь, – с улыбкой заметил инспектор.

– Верно, – легко согласился Ларкин. – Такая удача выпадает издателю нечасто. Когда я прочитал роман, то буквально ошалел от восторга. Ну, накрутил... Хочешь вкратце?

– Если только действительно коротко.

– В двух словах не получится, но я постараюсь, – с сарказмом произнес Ларкин. – Представляешь, террористы захватывают состав с химическим оружием. Ход достаточно традиционный, но – дальше! Отраву должны были захоронить в специальном могильнике, но бандиты распорядились иначе: разворачивают поезд и гонят его к границе. А дело, имей в виду, происходит в России. Там и не такое может случиться, хотя и не только там. Террористы тоже из тех мест, независимости требуют для своей республики где-то на Кавказе. Вот и надумали пугануть старушку Европу, чтобы, значит, на Москву надавила... Набрали заложников, парочку расстреляли, чтобы убедить в серьезности своих намерений. Мчатся без остановок, штурма опасаясь. Им, понятно, дают «зеленую улицу». Сходу проскакивают границу, Польшу, а вот в Германии... Ты меня слушаешь?

– Конечно, Джерри, – успокоил друга МакГроув. – Я весь внимание. Хотя, если по правде, твой рассказ меня не очень увлек. Что-то подобное я уже то ли видел, то ли читал.

– Где? Когда? – насторожился издатель.

– Не помню.

– Это и замечательно! – обрадовался Ларкин. – Главное – актуальность, достоверность. Потому сюжет и кажется знакомым. В этом его особенная ценность.

– И гарантия кассового успеха, – добавил инспектор.

Издатель прищурился.

– Я был бы последним дураком и распоследним лжецом, если бы стал утверждать, что этот момент не является для меня значимым. Однако в данном случае важнее не прибыль, а удовольствие, которое получают от книги читатели. И они его получают!

– Ты так в этом уверен? – спросил МакГроув.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Ларкин. – Да, есть в романе кое-какие натяжки, неточности...

– Я заметил. По крайней мере одну, – сказал инспектор.

Что имел в виду инспектор МакГроув?

История четвертая

Отчий дом

Джек МакГроув и не подозревал, что в далекой Шотландии у него есть родственники. Точнее – родственница. Еще точнее – была.

Адвокатской конторе «Джиггинс и сыновья» потребовалось немало времени, чтобы во исполнение последней воли Агаты Маккинес, урожденной МакГроув, разыскать потомков ее двоюродного брата, в начале века эмигрировавшего в благословенную Америку. Им старушка отписывала все свое состояние за вычетом энной суммы, предназначенной приюту для бродячих собак, и суммы чуть большей, которая в случае успешного поиска наследников должна была достаться адвокатской конторе.

Все сложилось как нельзя лучше: Джек МакГроув, внучатый племянник брата Агаты Маккинес, был обнаружен в Мидл-сити, где он служил в полицейском управлении в должности старшего инспектора, и посему «Джиггинс и сыновья» получила причитающееся вознаграждение.

Когда с формальностями было покончено, а деньги переведены из банка в Эдинбурге в центральный банк Мидл-сити, малость ошалевший инспектор, нежданно-негаданно ставший весьма и весьма состоятельным человеком, решил вплотную заняться своим бытом. В этом его поддержала жена. Более того, она на этом и настояла.

– Джек, перво-наперво нам надо выбраться из этой муниципальной квартиры. Нет, положительно, тебе надо взять отпуск и подыскать подходящий дом где-нибудь в пригороде. И пусть будет сад! И грядки!

Инспектор не стал противоречить супруге, хотя превращаться в садовника у него особого желания не было. Его детские годы прошли на замусоренных улочках городских окраин, и он никак не мог понять, какое удовольствие люди находят, часами копаясь в земле. Тем не менее, он тоже хотел сбежать из задыхающегося от смога мегаполиса. Сад? Огород? Что ж, это те неприятности, с которыми худо-бедно, но можно сосуществовать.

Две недели он ездил по адресам из объявлений, в избытке печатавшимся в газетах, и подбирал жилище, отвечающее следующим требованиям: чтобы и участок в три акра, и огород, и железнодорожная станция под боком. Оставлять службу в намерения МакГроува пока не входило, а так как он терпеть не мог автомобили вообще и автомобильные пробки в частности, то наличие железнодорожного сообщения с городом было абсолютно необходимо.

И он нашел такой дом!

Это было выкрашенное белой краской строение, возведенное лет сто назад, но многократно перестраивавшееся и подновлявшееся. Газ, электричество, канализация... Все есть, даже грядки и фруктовые деревья! Окна фасада смотрели на озеро с аккуратным эллингом

для лодок. Железнодорожная станция в десяти минутах ходьбы. До полицейского управления, находившегося на центральной площади Мидл-сити, от силы полчаса. Идеальный вариант!

С хозяином дома они поладили быстро. Крис О'Лири не стал заламывать несуразную цену, а инспектор не выказал стремления ее сбить. Оставалось обговорить кое-какие детали, подписать соответствующие бумаги, ударить по рукам и – дело сделано.

Тут-то и произошло непредвиденное. Еще вчера выглядевший мрачнее тучи, сегодня О'Лири был счастлив, хотя изо всех сил старался скрыть обуревавшую его радость.

– Извините, инспектор, но вынужден отказать вам. Дом я не продам! Обстоятельства изменились... Мне, знаете ли, дорога эта земля, – О'Лири загадочно улыбнулся и продолжил: – Да и жена всегда была противницей того, чтобы оставить эти места. Я-то думал, это она из сентиментальности – родилась здесь, выросла... Оказывается, тут другая причина.

– Какая, если не секрет? – спросил МакГроув, как и собеседник, старавшийся скрыть свои истинные чувства. Он был огорчен и подавлен. Подумать только: он уже видел себя владельцем этого идиллического уголка, и вдруг такое фиаско.

– Только вам! – напуская на себя таинственность, прошептал О'Лири. – Все началось очень давно. Дед жены зарабатывал на жизнь тем, что промыслял зверя на Аляске. Это были годы, когда золотая лихорадка, сотрясавшая Клондайк, уже пошла на убыль, и охотиться стало выгоднее, чем промывать речной песок в поисках крупинки золота. Однажды он, ставя капканы, наткнулся в лесу на труп замерзшего в пургу торговца. При том был сундучок, доверху набитый монетами, лежали там и несколько самородков. Дед похоронил несчастного, забрал сундук и отправился в места более цивилизованные. С год колесил по Штатам в поисках подходящего местечка, наконец приехал сюда. Понравилось, он купил дом, да-да, этот самый, перебрал его по кирпичику да по бревнышку и женился. Кое-какие деньги из сундука он, конечно, потратил, но далеко не все – жаден был безмерно. Большую часть где-то здесь закопал...

– Прямо приключенческий роман! – усмехнулся МакГроув.

Крис О'Лири покосился на инспектора, видимо, задетый иронией за живое, но рассказа не прервал:

– Я жену спрашиваю, что же отец твой сокровища не выкопал? А она в ответ: дескать, дед внезапно умер – погиб, лошадь его зашибла, не успел сказать, где сундучок спрятан. Отец копал – не нашел. Она по молодости искала – не нашла... Смотрю я на жену и хочется мне ей поверить, а не верится! Оборвал я тогда разговор, вышел из дома, стал грядки пропалывать – нет лучше средства, чтобы нервы успокоить, и тут под лопатой что-то блеснуло. Глянул я, а это серебряный доллар! Вот он. – В ладони О'Лири сверкнула тяжелая монета, отчеканенная много десятилетий назад. – Посмотрите, какое чудо.

МакГроув повертел монету в пальцах и вернул О'Лири. Через два часа он рассказывал супруге о происшедшем:

– Буду искать другой дом. Даже если О'Лири передумает, там будет все так перекопано... – Он помолчал и добавил с улыбкой: – А жена у него умная женщина.

Вы согласны с инспектором? А если согласны, то почему?

История пятая

Прощальное письмо

Инспектору МакГроуву никогда не приходила в голову мысль раньше времени расстаться с жизнью. Человек выдержанный и трезвомыслящий, он относился к самоубийцам с некоторой безразличностью, полагая их эгоистичными сверх всякой меры. Желаете таким способом разобратся со своими проблемами? Что ж... Но зачем создавать сложности окружающим? Тем

же полицейским... Однако работа есть работа, и потому он здесь, в этом роскошном особняке на Питкин-авеню.

МакГроув не имел удовольствия лично знать Полетт Фарье, хотя видел ее десятки раз. Но – на экране. Подобно миллионам мужчин во всем мире, он с восхищением следил за ее карьерой, восторгаясь талантом и красотой актрисы. В ней совсем не было фальши – в этом инспектор мог поручиться, поскольку за годы работы в полицейском управлении Мидл-сити научился распознавать, где искренность, а где лишь игра, зачастую весьма искусная. И даже ее годичной давности решение связать судьбу с великосветским повесой Диком Лоувзом не повлияло на отношение МакГроува к Фарье. Видимо, размышлял он, и самые умные женщины совершают подчас безрассудные поступки. Ну, что она в нем нашла? Ведь пустой, никчемный человечиска, наделенный природой изяществом и привлекательной наружностью, но начисто лишенный каких бы то ни было понятий о чести и порядочности. Его многочисленные связи, которыми упивалась желтая пресса, тому свидетельство. Женитьбы, измены, скандалы, разводы – без всего этого, казалось, Дик Лоувз не мог существовать. И вдруг – бракосочетание с Полетт Фарье. Нонсенс!

Последние месяцы на страницах бульварных газетенки стали циркулировать слухи, что у молодоженов не все ладно. Однако дальше намеков дело не шло, и, конечно, никто и подумать не мог, что ситуация разрешится столь трагически – преждевременной кончиной актрисы.

Эта новость, обещающая стать настоящей сенсацией, каким-то загадочным образом уже достигла ушей газетчиков, о чем свидетельствовал плотный кордон репортеров, встретивший МакГроува на подъезде к особняку.

– Что? Как? Почему? – сыпались вопросы.

– Без комментариев, – угрюмо отвечивал старший инспектор, в котором привычное неприятие эгоизма самоубийц боролось с горечью утраты истинного таланта, подарившего своим почитателям так много прекрасных минут. МакГроув не знал, какое из обуревавших его чувств одержит верх. «Впрочем, – одернул он себя, прекращая схватку, – факт самоубийства тоже требует доказательства».

Инспектор поднырнул под желтую ленту, натянутую полицейскими, и направился к дверям дома. Репортеры, лишённые такой привилегии, заголосили пуще прежнего:

– Почему? Почему? Почему?

Игнорируя их вопросы, МакГроув коротко бросил сопровождавшему его сержанту Сноупсу:

– Посмотри тут.

Сержант кивнул и отстал. Отлично осведомленный об умении Сноупса «держать и не пущать», теперь МакГроув мог не опасаться, что какой-нибудь ловкач-журналист проникнет в особняк и станет докучать его обитателям беспардонным любопытством. Когда же по приказу старшего инспектора его возьмут под белые ручки и выведут вон, репортер станет громко заявлять об ущемлении человеческого достоинства и о праве на информацию. Они такие! Ни стыда, ни совести.

В мрачной парадной МакГроува встретил представительного вида дворецкий. Ни слова не говоря, он сделал рукой в белой перчатке красноречивый жест, одновременно указывая путь и как бы приглашая следовать за ним. Инспектор чуть наклонил голову и даже сделал шаг к устланной персидским ковром лестнице, ведущей на второй этаж, но тут его ухватили за локоть.

– Он ее обкрадывал, – торопливо заговорила заплаканная девушка в черном платье и белой наголке, что выдавало в ней горничную. – Он над ней издевался, он...

– Прекратите сейчас же, Лиззи! – оборвал горничную дворецкий. – Когда потребуется, вас спросят.

МакГроув похлопал девушку по руке.

– Успокойтесь. Мы обязательно поговорим с вами. Но позже.

Горничная подняла на инспектора припухшие глаза, закусила губу, чтобы снова не расплакаться, повернулась и скрылась за неприметной дверью.

– Она такая импульсивная, – словно извиняясь, сказал дворецкий. – Хотя ее можно понять. Мы все очень любили мадемуазель Фарье.

– А когда она стала мадам?..

– Нам очень хотелось, чтобы она была счастлива, – неопределенно ответил дворецкий.

Инспектор усмехнулся и стал подниматься по лестнице. Через минуту он был в кабинете Дика Лоувза. Муж покойной явно находился в состоянии прострации. Он с ничего не выражающим лицом сидел за столом, на котором лежали пистолет и лист бумаги, испещренный неровными строчками. Тело женщины уже унесли.

– Я вернулся из клуба, – срывающимся голосом сказал Лоувз, – поднялся в кабинет и увидел Полетт. Она была мертва. Кровь, кровь... Эта записка... Я ничего не понимаю!

Инспектор взял листок и прочитал: «Мне еще не ясно... ухожу... бросаю и лишаю... мучительна унижительная жизнь. Полетт».

«Когда-нибудь это послание будет экспонатом музея Полетт Фарье, – подумал МакГроув. – Но прежде – вещественным доказательством».

Он взглянул на Лоувза.

– Собирайтесь. Вы поедете с нами в участок.

– Понимаю, – бесцветным голосом произнес тот. – Показания...

– Нет, – сказал инспектор, испытывая странное облегчение. – Вы арестованы. С убийцами я предпочитаю беседовать в официальной обстановке.

Почему МакГроув уверен в виновности Дика Лоувза?

История шестая

Любопытный свидетель

Инспектор МакГроув вновь поднял раму, опущенную экспертом. Подоконник был усыпан порошком, благодаря которому удалось получить несколько вполне приличных отпечатков пальцев. Кому они принадлежат? Это выяснится позже. А пока...

Семью этажами ниже шумела центральная улица Мидл-сити. Получасом ранее труп Александры Вербитски погрузили в карету «скорой помощи» и увезли в морг, так что полицейские успели навести порядок и на мостовой, и на тротуарах. А была такая пробка!.. Да и то: какой уважающий себя зевака упустит случай, коли уж подвернулся, пусть одним глазком, пусть издали взглянуть на бранные останки скандально знаменитой топ-модели?

МакГроув перегнулся через подоконник – слегка, чтобы не разделить участь первой красавицы города. Все спокойно: мигают светофоры, черепахами ползут машины, торопятся по своим делам пешеходы – ничто не напоминает о разыгравшейся трагедии.

– Я нашел свидетеля, сэр, – доложил сержант Сноупс.

Инспектор повернулся к подчиненному.

– Быстро...

Сержант вздернул подбородок, потом опустил голову и покраснел.

– Вообще-то это он нашел нас. Пришел и говорит: видел все своими глазами.

– Так давайте его сюда!

– Только... – Сноупс замаялся.

– Что – «только»? – поторопил МакГроув.

– Мне ребята из местного участка успели шепнуть... Большой он. И болезнь такая чудная – как бишь ее? – вуайеризм. Подглядывает, подсматривает, страсть у него, значит, к этому делу.

– Неодолимая, – кивнул инспектор, в практике которого были прецеденты, когда приходилось заниматься жалобами людей на пронырливых, надоедливых, хотя, в сущности, безобидных соглядатаев. В памяти мелькнули лица прыщавого юнца, «промышлявшего» у пляжных кабинок, и дородной матроны, занимавшейся тем же самым в коттеджах пансионата для престарелых. Взяли их без особых хлопот, а вот преступный умысел инкриминировать не смогли. Его и не было. Просто они не могли без этого!

– Три привода за ним, – продолжал между тем сержант, как бы иллюстрируя мысли инспектора, – а что толку? Такие из-под любой статьи вывернутся.

– Ладно, веди, – сказал инспектор.

– А рассуждает вроде здраво, – пожал широченными плечами Сноупс и испарился, точно его и не было. Способность сержанта растворяться в воздухе всегда восхищала МакГроува. А учитывая габариты Сноупса, это вполне можно было считать чудом из чудес.

Инспектор достал сигару. Посмотрел по сторонам в поисках пепельницы. Ничего подходящего. Должно быть, здесь отродясь не пахло табаком. Оно и понятно: Царица Подиума, как называли Александру Вербитски журналисты, заботилась о своем здоровье и своей внешности. Еще бы, от пребывания их в безупречном состоянии зависело ее материальное благополучие. Кому понравится девица с хриплым голосом и желтыми от никотина пальцами? И зубами тоже... Что же касается ее супруга, то Джон Вербитски, и это было известно всякому, кто хоть мало-мальски интересовался светскими сплетнями, права голоса в этой семье не имел. Посмотрел бы инспектор на этого подкаблучника, вдруг осмелившегося затянуться сигаретой. Уж ему бы задали по первое число!

«Теперь не зададут», – подумал МакГроув и крикнул:

– Эй, сержант, где вы там?

– Здесь! – отчеканил Сноупс, вводя в комнату худосочную личность с бегающими глазами.

– Рассказывайте! – хмуро сказал инспектор.

И личность, назвавшаяся Сэмюэлем Голдменом, заговорила.

Да, этот человек был явно ненормален. Он часами пропадал на крыше дома напротив, разглядывая в подзорную трубу людей, до которых мог дотянуться взглядом. Любопытство к чужой жизни сжигало его! Из рассказа Голдмена следовало, что высокий брюнет в красном пиджаке два часа назад распахнул окно и вытолкнул яркую блондинку...

Инспектор не перебивал захлебывающегося словами человека. А тот говорил, говорил, говорил... На потрескавшихся губах Голдмена пузырилась слюна.

Так могло продолжаться до бесконечности, к тому же, сказав главное, Голдмена понесло куда-то не туда: он почему-то стал вспоминать детство, товарищей по колледжу и даже процитировал Шекспира – ни к селу, ни к городу.

МакГроув вздохнул и поднял руку:

– Довольно!

Вынув изо рта сигару, он посмотрел на столбик пепла, образовавшийся на ее конце, усмехнулся и подвел мужчину к приоткрытой двери.

– Это он?

– Да.

– Посмотрите внимательно, – терпеливо сказал инспектор. – Вы не ошибаетесь?

– Да. Это он. Он!!!

Инспектору показалось, что еще мгновение, и Голдмен заскрипит зубами от ярости. Отвратительный звук! К счастью, худосочный человечек вдруг сник и сгорбился.

– Возьмем под арест? – спросил Сноупс, поигрывая наручниками. Его взгляд впился в Джона Вербитски. Красный спортивный пиджак сидел на том как влитой.

– На каком основании? – вопросом на вопрос ответил МакГроув. – Если кого и надо задержать, так это его, – он показал на Голдмена. – За лжесвидетельство. И да помогут вам доктора, мистер!

Мотивируйте решение инспектора.

История седьмая

Налет

Пришлось стрелять. Том Бруно поднял револьвер и нажал на курок. Он был отменным стрелком. Рокки Галано споткнулся на бегу, выронил пистолет и упал на мокрую решетку водостока. Когда полицейские подошли к нему, он был уже мертв.

– Смердит, – с кривой ухмылкой сказал сержант Сноупс.

– Канализация, – рассудительно проговорил кто-то сзади. – Этому еще рано...

Джек МакГроув не обернулся, чтобы взглянуть на недоумка из группы быстрого реагирования, мнящего себя шибко сообразительным и полагающего, что им со Сноупсом надо разжевывать все от «А» до «Я». Впрочем, поведение сержанта ему тоже не понравилось. К смерти надо относиться с уважением! Даже если она настигла такого негодяя, как Галано.

– Выясни, что с девушкой, – отрывисто бросил инспектор.

Уловив в голосе начальника признаки надвигающейся грозы, Сноупс посерьезнел, по-армейски четко повернулся и направился ко входу в Центральный парк Мидл-сити. Там у кованых узорчатых ворот на скамейке сидела и, очевидно, до сих пор не могла прийти в себя Эржбета Паракова, известная в кругах «жриц любви» и их постоянных клиентов как Красотка Эржи. Доведенная до отчаяния жестокими побоями, она «сдала» полиции своего сутенера, каковым и был Рокки Галано. Он требовал денег. После неудачного ограбления букмекерской конторы ему надо было срочно убраться из города, а пускаться в бега с пустыми карманами у Галано желания не было. Вот он и решил напоследок пожить за счет своей подопечной. Но переусердствовал.

– С ней все в порядке, – отрапортовал Сноупс, вернувшись. – Только синяк под глазом. Легко отделалась.

МакГроув кивнул, давая понять, что информация сержанта принята к сведению, и продолжил монолог, обращенный к руководителю группы быстрого реагирования Тому Бруно. Инспектор выговаривал ему за нерасторопность, чуть было не закончившуюся для Красотки Эржи трагически. И не только для нее, поскольку на улице, несмотря на поздний час, было предостаточно людей, совершающих вечерний моцион. Подчиненные Бруно явно промедлили, позволив Галано, почуявшему западню, выхватить пистолет, сделать несколько выстрелов и пуститься наутек. По счастью, пули преступника никого не задели, но за перестрелку в центре города Бруно по головке не погладят.

Понимая, что МакГроув прав на все сто процентов, Том Бруно молчал, хотя отличался строптивостью, которую выказывал при всяком удобном случае. Но сегодня он и его ребята оплошали, потому он сжимал челюсти, играл желваками на скулах, но... молчал.

– Ладно, – наконец-то смилостивился инспектор, – в конце концов, свое дело мы сделали. Одним подонком в городе стало меньше. А без погрешностей в нашей работе не бывает. Станет начальство наседать или журналисты, отсылай их ко мне. Отобьемся.

Глава группы медленно выпустил застоявшийся в легких воздух и подумал, что с МакГроувом работать можно: отчитает, как мальчишку, но никогда не открестится, не подставит...

– Я уж как-нибудь сам, – проворчал Бруно.

– Что, гордость не позволяет? – усмехнулся инспектор. – Не мели чепухи! Все-таки вместе кашу заварили, вместе и расхлебывать.

Завывая сигналом и озаряя сполохами сигнального маяка стены домов, на улицу выскочила санитарная машина. Затормозила метрах в четырех. Из автомобиля выбрались санитары.

– Забирать? – поинтересовался один из них. – Или погодить?

МакГроув посмотрел на фотографа, убирающего аппаратуру, на криминалистов и сказал:

– Забирайте.

Санитары подступили к бездыханному телу Галано, а инспектор пошел к своему автомобилю, у которого стоял Сноупс, прижавший к уху трубку радиотелефона.

– Опять ограбление, – сказал сержант, давая отбой.

– Что на этот раз? – устало спросил МакГроув, усаживаясь на свое место справа от водителя.

Сноупс сел за руль, захлопнул дверцу и выехал на проезжую часть.

– Налет на казино. Судя по почерку, это компания Кувалды Мака.

– Кто из шайки сейчас в городе?

– Самого Мака сейчас нет: у него вроде как отпуск – в Лас-Вегасе развлекается. Ребята задержали четырех: Смита, Джонса, Питерсона и Морелло. Те твердят в один голос, что на этот раз ни при чем. Кстати, Смит уверяет, что с Питерсоном и Джонсом теперь вообще не якшается – в прошлый раз их в этом составе замели, а он суеверный.

– Свидетели есть?

– Хозяин казино говорит, что грабителей было двое, их сообщник сидел в машине. По моим данным, лучше всех водит машину Питерсон, а Джонс и Морелло вообще никогда не садятся за руль – нет прав, да и не умеют. Кретины, что с них взять? И еще владелец заведения заявил, что стрелял высокий. Тут тоже неясность: и Смит, и Джонс по шесть футов с лишним.

– Если мне память не изменяет, – задумчиво произнес инспектор, – Питерсон и Морелло крепко полаялись из-за той девицы...

– Еще как! До кулаков. Вместе на дело они точно не пойдут.

– Вот что, Сноупс, отвези-ка меня к окружному прокурору. Надо провести предварительную работу, а то Бруно и так недолюбливают, глядишь, и вовсе «закопают», случай-то подходящий. Жалко парня. Надо выручать.

– А что с этими делать? Ну, с «кувалдами»?

МакГроув рассеянно взглянул на сержанта.

– Что? Невинного отпустить, а остальных по камерам – и шофера, и стрелявшего, и их подельника. Выполняй!

Сержант Сноупс был совсем не глуп и выполнил приказ инспектора.

А вы разобрались «кто есть кто»?

История восьмая

Служебное расследование

В кабинете было сизо от дыма. В годы, когда вся Америка мужественно боролась с курением, сотрудники полицейского управления Мидл-сити продолжали упорствовать в пагубных привычках, самым возмутительным образом игнорируя очередную кампанию по оздоровлению нации. В гораздо большей степени их волновал рост контрабанды табачной продукции из стран Центральной Америки. Впрочем, и здесь была своя светлая сторона: благодаря пере-

хваченным грузам, они никогда не испытывали недостатка в сигаретах, сигарах и трубочном табаке самых уважаемых фирм.

Но одно дело – перехватить по случаю пару пачек сигарет, и совсем другое – воспользоваться табельным оружием без крайней на то необходимости и убить при этом человека. Первое – не повод для служебного разбирательства: на такую мелочь вполне можно закрыть глаза. Второе – достаточное основание для выяснения причин, побудивших применить огнестрельное оружие; при неблагоприятном исходе за это можно получить не только уведомление об увольнении, но и срок, причем весьма внушительный.

Джек МакГроув закурил сигару. Это была уже вторая за то время, как он находился в кабинете начальника оперативного отдела, где в узком кругу коллег разбирался проступок (пока это квалифицировалось так) младшего инспектора Пола Гира.

– Итак, господа, – хмуро произнес, откидываясь на спинку кресла, Ник Чамми, – мы опросили очевидцев, однако ясности по-прежнему нет. Полагаю, пора послушать, что нам скажет виновник происшедшего.

– Может, сделаем перерыв? – предложил кто-то плохо различимый за дымовой завесой.

– Нет! – отрезал Чамми. – Не будем тянуть.

МакГроув затаился, кашлянул и спросил:

– Думаешь, мы сможем поставить точку уже сегодня? Сомневаюсь, Никки, ох, сомневаюсь.

Инспектор был единственным из собравшихся, кому дозволялось называть начальника по имени, причем в уменьшительной форме. Они познакомились еще в Полицейской академии, потом работали в одном участке, одно время даже были напарниками, сохранив с той поры самые дружеские отношения. К чести Чамми, выбившегося в руководители, он не задирал нос и не отказывался от старых приятелей в пользу новых, более соответствующих его высокому служебному положению.

Начальник отдела помахал рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

– Ты всегда сгущаешь краски, Джек. Ему угрожали, он стрелял. А что убил... Это издержки профессии.

МакГроув приподнял брови и положил на стол фотографии, которые рассматривал. На них был в разных ракурсах и в разном приближении запечатлен Стив Браун. Кожаная куртка, один зуб золотой, другой выбит, серьга в ухе, развороченный пулей висок, спутанные, залитые кровью волосы, приплюснутый нос, остекленевшие глаза навывкате... Зрелище не для слабонервных.

– Позовите Гира, – распорядился Чамми.

Когда младший инспектор появился на пороге, всех поразила неестественная бледность его лица, вроде бы свидетельствующая о том, что он тяжело переживает случившееся. Но когда он заговорил, ничуть не смущаясь необычной для себя ролью подследственного, стало ясно, что он нисколько не раскаивается в содеянном. Более того, создавалось впечатление, что, если бы ситуация повторилась, младший инспектор, ни секунды не колеблясь, снова пустит пулю в голову торговца наркотиками.

– Да, я не питал к Стиву Брауну нежных чувств, – говорил Гир спокойным голосом убежденного в своей правоте человека. – Я вообще не испытываю таковых к негодяям, наживающимся на торговле проклятым зельем. И тут мне равно отвратительны все – мужчины, женщины, белые, пуэрториканцы... Я не расист, и то, что Стив Браун был негром, не имеет никакого значения.

– Мы знаем о несчастье, постигшем вашу семью, – сказал Чамми, вкручивая сигарету в дно пепельницы и тут же доставая новую.

Гир побледнел еще больше, хотя, казалось, это было невозможно.

– Мой сын попал в сети этого человека. За два месяца из нормального мальчика он превратился в законченного наркомана. Сейчас он лечится в специальной клинике. Врачи обнадеживают, хотя и говорят, что некоторые участки мозга претерпели необратимые изменения.

Сухо сообщив это, младший инспектор сделал паузу, словно ожидая, что кто-то из собравшихся потребует подробностей. Все молчали и он продолжил:

– Мы знали, кто промышляет у их школы – Стив Браун с подручными из старшекласников, но подловить с поличным его не удалось, а веских доказательств у нас не было. Короче, Браун вышел сухим из воды.

– Закон плох, но он закон! – веско произнес начальник отдела. – Расскажите, как получилось, что вы стреляли в Брауна и застрелили его.

– Два дня назад я встретил его около бара «Розовый лепесток». Он был в подпитии, сыпал непристойностями и приставал к женщинам. Я хотел его задержать, но он разразился руганью, выхватил нож и пошел на меня. Я достал пистолет, предупредил, что буду стрелять. Браун не остановился. Тогда я выстрелил: сначала в воздух, а потом в него.

– Вы оборонялись... – пробормотал Чамми, точно подсказывал младшему инспектору, какой линии защиты ему надлежит держаться.

– Я оборонялся, – неуверенно повторил Гир.

– Что скажешь, Джек? – спросил чуть позже начальник отдела, когда они остались вдвоем.

МакГроув пожал плечами.

– Он хотел убить и убил. Но лично я не против посмотреть на кое-что сквозь пальцы. Если закон плох, что нам мешает подправить его?

Ник Чамми посмотрел на приятеля с благодарностью. Они вновь были партнерами.

О каких фактах говорит инспектор?

История девятая

Покушение

– А теперь еще раз, но уже спокойно, с толком, с расстановкой.

Джереми Дикинсон, один из самых модных и дорогих адвокатов Мидл-сити, затравленно взглянул на МакГроува.

– Я постараюсь, – прошептал он и стал рассказывать.

История, в общем-то, была короткая. Юриста пытались застрелить. Утром, выходя из офиса, Дикинсон увидел, как тонированные стекла «кадиллака», припаркованного у тротуара, стали опускаться, и над срезом одного из них появилось дуло автомата. Прогремела очередь. Дикинсон остался жив лишь потому, что, упав, оказался закрытым тележкой зеленщика. «Кадиллак» был уже далеко, а адвокат все не решался поднять голову, усыпанную яблоками и свеклой, сметенными с прилавка пулями убийцы...

– Это все? – спросил старший инспектор.

– Все, – выдавил Дикинсон.

Джеку МакГроуву было совершенно ясно: адвокат не договаривает. Уж больно странно тот себя вел: мялся, ерзал, отводил глаза...

– Может быть, припомните еще что-нибудь? Для следствия важна любая мелочь.

– Все произошло так быстро, – виновато пробормотал адвокат. – Я толком и сообразить ничего не успел, как оказался погребенным под овощами и фруктами.

Нет, подумал МакГроув, вряд ли нервозность Дикинсона вызвана тем, что он утаивает какую-то деталь происшедшего. Более вероятно, что у него на языке вертятся две-три фамилии недоброжелателей, которые были бы рады прочитать в газетах извещение о его кончине.

– Кто мог желать вашей смерти? – напрямую спросил инспектор.

– Я... я не знаю. У меня нет врагов.

– Чтобы у известного адвоката не было как минимум завистников? Не верю!

После продолжительного молчания, видимо, взвесив все «за» и «против», Джереми Дикинсон с явной неохотой проговорил:

– Есть один человек. Только... Мне бы не хотелось, чтобы ему стало известно, что это я указал на него.

– Вы забываете о тайне следствия. Итак, кто это?

– Рамон Гонсалес, владелец плантаций сахарного тростника и шестнадцати заводов по его переработке. Вы, наверное, слышали о нем.

– Кто же о нем не слышал? Личность известная. Законченный негодяй. Использует труд мексиканцев: тайно перевозит их через границу, платит гроши, держит в страхе...

– Все это так, – уныло согласился Дикинсон. – Дело в том, инспектор, что Гонсалес попросил меня найти для него пару лазеек в налоговом законодательстве, разумеется, не бесплатно. Я нашел. Но закон не нарушал! Я просто воспользовался его несовершенством, а это ненаказуемо.

– И что Гонсалес?

– Ему понравилось. Но он всегда торопится! Поторопился и на этот раз, потому разработанный мною план не сработал.

– Сколько он потерял?

– Девять миллионов плюс занесение в «черный список» налоговой полиции. Гонсалес был в ярости и сказал, что люди умирали за тысячекратно меньший нанесенный ему ущерб. Как по-вашему, это угроза?

– Если это дело рук Гонсалеса, – сказал инспектор. – Я удивляюсь, что вы еще живы. В этом он обычно ошибок не допускает.

Адвокат поежился, словно ему стало холодно.

– Что же мне теперь делать? Куда бежать?

– От судьбы не убежишь, – рассудительно заметил МакГроув. – Старайтесь поменьше бывать на людях. Посидите дома и, кстати, подумайте, стоит ли в будущем связываться с нечистыми на руку дельцами даже за астрономические гонорары.

Когда вконец растерявшийся и перепуганный Дикинсон ушел, инспектор вызвал к себе сержанта Сноупса.

– У нас есть кто-нибудь в окружении Рамона Гонсалеса?

– Есть один типчик, давно подкидывает нам информацию.

– Связаться с ним можешь?

– Хоть сейчас.

– Мне нужно знать, не давал ли Гонсалес кому-нибудь задание пришить Джереми Дикинсона.

– Будет сделано, – бодро сказал Сноупс и покинул кабинет Джека МакГроува, чтобы уже через два часа предъявить инспектору Разиню Майка, три дня назад вышедшего на свободу после очередной отсидки. Это на него указал осведомитель.

– Переквалифицировался? – с осуждением спросил МакГроув, знавший Разиню как не самого удачливого карманника.

– А что случилось? – запетушился Разиня.

– В киллеры подался?

– Да я чист, как стеклышко!

- Ты обвиняешься в покушении на Джереми Дикинсона. Знаешь такого?
- В первый раз слышу!
- Где ты был сегодня с десяти утра и до полудня?
- В баре «Орхидея». Вам любой скажет, что я оттуда и шага не сделал. Вот оно как, – в голосе Разини появились плаксивые нотки, – раз оступился, так теперь на всю жизнь клеймо.
- Не раз и не два, – поправил инспектор. – Похоже, сейчас ты влип по-крупному.
- Докажите! – взвизгнул Разиня. – И вообще, я требую адвоката!
- У тебя есть, к кому обратиться?
- Он не такая шишка, как Дикинсон, но от тюрьги спасет, тем более что я действительно чист. Ни пятнышка!
- И на солнце есть пятна! – веско сказал МакГроув. – А сидеть тебе придется. Причем долго! За это покушение тебе отвесят сполна.

На чем базируется уверенность инспектора?

История десятая

Зной в Акапулько

Две недели отпуска чета МакГроувов решила провести в Акапулько, о чем они пожалели, лишь только сошли с трапа самолета. Мексика встретила их ужасной жарой. Пот тут же превратил воротник рубашки в петлю, грозящую удушить инспектора. Он выругался сквозь зубы и покосился на супругу. Та терпеть не могла, когда муж позволял себе бранное словцо и всегда выговаривала ему за это. Сейчас, похоже, обойдется без нотаций: жена либо не расслышала, либо поняла, что в данном случае без того, чтобы помянуть черта, действительно не обойтись.

К счастью, им предстояло жить не в самом Акапулько, а в маленьком городке Маренго шестьюдесятью милями южнее. Оставив супругу в кафе у выезда из аэропорта, МакГроув отправился на поиски машины. Взять напрокат автомобиль оказалось совсем нетрудно. Потрепаный «мустанг» его вполне устроил. Мотор закашлял, завелся, но потом заработал ровно, без сбоев. Инспектор расплатился с улыбочивым служащим, пожелавшим ему счастливой дороги, и выехал со стоянки. Усадив в машину жену, МакГроув поднял стекла, включил кондиционер и они отправились в путь.

Покружив по дорожным развязкам, инспектор свернул на пустынное шоссе, идущее берегом океана, и вдавил в пол педаль газа. Кондиционер охладил воздух в салоне до вполне приемлемого уровня, что тут же улучшило настроение.

Супруга стала крутить ручку настройки радиоприемника в поисках волны, на которой бы вещали по-английски, однако слышалась только испанская речь. После минуты-другой сосредоточенного блуждания по эфиру из динамика наконец-то посыпались знакомые слова.

– Преступники скрылись на фургончике фирмы «Кока-кола», – жизнерадостным голосом сообщил диктор.

– Ну, это уж слишком! – воскликнула миссис МакГроув, – И здесь то же самое. – Она щелкнула тумблером и голос диктора смолк.

– Верни! – коротко бросил инспектор.

– Джек, ты же обещал!

– Я от своих слов не отказываюсь. Просто интересно.

– А говорил, будем просто отдыхать, загорать, купаться...

– Пить пиво и сухое мартины, – добавил супруг. – А вечерами танцевать.

После минутного колебания жена с видом мученицы включила радио.

– Не прошло и часа после ограбления банка...

МакГроув внимательно выслушал сообщение, не забывая при этом внимательно следить за петляющей дорогой. Когда передача местных новостей уступила место музыкальной программе, он сказал благодушно:

– Если хочешь, можешь выключить.

– А вот теперь пусть работает!

В следующее мгновение ее бросило вперед, потому что муж резко нажал на тормоза.

– Так-так, – пробормотал он, разглядывая лежащий в кювете красный фургон с белой вязью слов по борту.

– Не выходи, – взмолилась дражайшая половина. – Ты же в отпуске.

Инспектор быстро посмотрел на нее и выбрался из машины. Сбил соломенную шляпу на лоб, чтобы поля прикрывали глаза, и подошел к опрокинувшемуся автомобилю. Из пустой кабины на него дохнуло прохладой. Кондиционер продолжал работать. Обмотав руку носовым платком, он открыл заднюю дверь. В кузове тоже было пусто.

– Надо сообщить в полицию, – сказал МакГроув, трогая «мустанг» с места.

– Они уже наверняка в курсе.

– Возможно. И все-таки!

– Поступай как знаешь.

– Тут не такое уж напряженное движение, – словно оправдываясь, произнес МакГроув. – Сколько проехали, а встретили только пару машин. И ни одного пешехода.

– Вон один, – показала супруга.

Молодой парень, сидящий на камне у обочины, встал и поднял руку. МакГроув затормозил. Парень бросил на заднее сиденье прозрачный пластиковый пакет, забрался сам и рассыпался в благодарностях, сказав, что – вот же люди! – час просидел, никто не остановился.

Музыка, льющаяся из динамиков, вдруг смолкла, и диктор вновь стал вещать об ограблении банка.

– Да видел я этот фургон! – воскликнул парень. – Промчался мимо, как угорелый!

Миссис МакГроув обернулась к молодому человеку и спросила:

– Скажите, а до Маренго еще далеко?

– Совсем близко. Пять минут от силы.

И верно, через четверть часа они въехали в аккуратный приморский городок с выбеленными солнцем и известью домами.

– Высадите мне на центральной площади, – попросил парень. Он вытащил из пакета плитку шоколада, освободил ее от обертки, разломил с хрустом и предложил:

– Хотите?

Инспектор не ответил. Он как раз въезжал на площадь. Сделав круг, остановил «мустанг» перед зданием, у которого выстроились в ряд три машины с мигалками на крышах. Выключив зажигание, он сунул руку за пазуху, повернулся к парню и сказал:

– Не двигайтесь. Вы арестованы!

– За что?.. – растерялся парень.

– Как за что? – удивилась миссис МакГроув. – За ограбление банка!

...Вечером, попивая мартини в небольшом пляжном ресторанчике, миссис МакГроув взяла с мужа клятвенное обещание, что в ближайшие две недели он напрочь позабудет о своей работе и не поймает ни одного преступника, даже если они будут сами напрашиваться на это. Пусть арестами занимаются полицейские, у которых отпуск еще впереди!

Почему супруги решили, что попутчик причастен к ограблению банка?

История одиннадцатая

Ложь

– Отпечатков пальцев, разумеется, нет, – без какого бы то ни было выражения произнес инспектор МакГроув.

– Ни единого, – подтвердил молодой человек, лишь недавно пришедший в криминалистический отдел полицейского управления Мидл-сити, но уже успевший зарекомендовать себя знающим специалистом. – Ни на пистолете, ни на ступеньках лестницы.

МакГроув рассеянно смотрел, как эксперт упаковывает в целлофановый пакетик пистолетную гильзу. Место, где ее нашли, было помечено крестом и находилось сантиметрах в сорока от мелового контура, наглядно демонстрирующего, как именно лежал убитый. Труп Дерека Агню уже унесли.

– Мы заканчиваем, – сказал эксперт.

Инспектор снова кивнул и взглянул на брата покойного, сидевшего на кушетке. Том Агню прятал лицо в ладонях.

– Мистер Агню, – сказал МакГроув, – давайте пройдем в соседнюю комнату. У нас еще есть к вам вопросы. Или вы предпочитаете продолжить беседу в участке?

Том Агню опустил руки и поднял на инспектора сухие глаза. От него разило спиртным.

– Не надо.

– Может быть, вы хотите позвонить вашему адвокату?

– Зачем он мне? Я ни в чем не виноват.

– В таком случае – прошу!

МакГроув двинулся к двери, остановился, наблюдая за попытками брата убитого подняться с низкой кушетки. С первого раза это ему не удалось, со второго тоже. Третья попытка увенчалась успехом благодаря сержанту Сноупсу, который взял Тома Агню под руку и помог встать.

Соседняя комната была еще меньше по размерам. Хозяину квартиры пришлось немало потрудиться, чтобы разместить в ней письменный стол, кресло и пузатый ящик картотеки. Все было обшарпанным и требовало если не замены, то основательного ремонта. Обстановка комнаты казалась особенно убогой из-за контраста с новеньким «с иголки» компьютером, стоявшим на столе.

Дождавшись, когда Сноупс закроет за ними дверь, МакГроув сказал:

– Итак, вы пришли к брату, чтобы одолжить денег...

Том Агню проковылял к креслу и буквально рухнул в него.

– Мне всегда не везло. Дерек мне помогал.

– Наверное, вы были ему благодарны.

– Благодарен? – с неожиданной злобой переспросил Агню. – Я его ненавидел! За то, что ему в детстве отдавали лучший кусок; за то, что его любили, а меня терпели; за то, что его хвалили, а для меня не находили ни одного доброго слова. Но я его не убивал!

– Мы этого и не утверждаем, – сказал МакГроув. – Однако ваше признание ставит вас в довольно затруднительное положение.

– Ну и пусть!

– Вы смелый человек.

– Я отчаявшийся человек! – выкрикнул Агню. – Мне были нужны деньги, только поэтому я пришел к нему.

Инспектор повел рукой, охватывая жестом и комнату, и все, что находилось в ней.

– Судя по всему, ваш брат не был состоятельным человеком.

– Но он не был нищим, как я! У него было свое дело, пусть маленькое, но свое. Он мог бы ссудить мне пару сотен и не обеднеть при этом. Видите? – Агню показал на компьютер. – Знаете, сколько стоит эта штукавина? То-то!

– Успокойтесь, и расскажите, как все произошло.

– Я уже десять раз рассказывал!

– Повторите в одиннадцатый.

– Я не добавлю ничего нового.

– А вдруг?

Том Агню брезгливо выпятил губу, провел рукой по сальным волосам, повел плечами, точно в ознобе, и заговорил:

– Он не обрадовался мне, да и с чего бы ему радоваться? Но впустил, провел в комнату, даже налил виски. А потом сказал, что денег у него нет и в ближайшее время не предвидится. Я стал упрашивать его, но он стоял на своем. Еще и губы кривил! Было ясно, что мне не удастся вытрясти из него ни цента, но я не уходил. Сам не знаю, на что надеялся, может быть, на чудо.

– Чудес не бывает! – пробормотал Сноупс, стоявший у двери со скрещенными на груди руками.

– Да, чудес не бывает! Дерек всячески унижал меня, говорил, что из меня не вышло ничего путного и теперь уж никогда не выйдет. Я терпел. Мне были нужны деньги, понимаете? Он сидел в кресле, а я на кушетке. А потом... Прервав нотацию, брат поднялся и взял в руки бутылку, чтобы плеснуть себе еще на два пальца, большего он себе не позволяет... не позволял. И тут за окном, на пожарной лестнице, появился человек. В руке у него был пистолет. Он выстрелил раз, другой... Дерек вскрикнул, покачнулся и рухнул. Я бросился к нему, не думая о том, что следующая пуля, очевидно, достанется мне. Из рта брата текла кровь. Это была агония. Я обернулся к окну. В ответ на мой взгляд убийца расхохотался и швырнул пистолет на тело Дерекы. Вот и все.

Том Агню выудил из брючного кармана плоскую фляжку, отвинтил колпачок, поднес фляжку ко рту и сделал несколько жадных глотков. Инспектор следил за ним глазами, ставшими из серых стальными.

– Лестницу надо бы повнимательнее осмотреть, – подал голос сержант Сноупс, адресуя свои слова инспектору.

– Не стоит, – покачал головой МакГроув. – Послушайте, – обратился он к Тому Агню, – может быть, вы перестанете врать?

Откуда у инспектора уверенность, что Том Агню лжет?

История двенадцатая

Смерть любовницы

Тело Люси Блонди покрывали синяки и ссадины. Уже завтра фотографии любовницы всесильного мафиози Джованни Тартини будут красоваться на первых страницах газет Мидлсити. В этом старший инспектор Джек МакГроув нисколько не сомневался. Не исключено, что известие о трагической смерти фаворитки найдет достойное место и на страницах «Нью-Йорк таймс», самой влиятельной газеты страны, кичащейся своей независимостью и свежим взглядом на происходящее.

Что особенно огорчало инспектора, так это повышенный интерес, который наверняка проявят к его скромной персоне журналисты. Будут путаться под ногами, лезть с глупыми вопросами типа: есть ли подозреваемые и не спровоцирует ли эта смерть войну гангстерских

синдикатов? Начнут выдвигать собственные версии... Это пока репортеры знают лишь, что Люси Блонди умерла при загадочных обстоятельствах, но рано или поздно их придется посвящать в некоторые подробности, вот тогда они развернутся!

Инспектор обвел взглядом роскошные покои. Да, неплохо устроилась вчерашняя студентка. Гобелены на стенах, китайский и мейсенский фарфор, статуэтки из черного дерева... Могла себе позволить.

– Смерть наступила часа три назад, – сказал полицейский врач. – Официальное заключение будет завтра.

– Сегодня! – отрезал инспектор и направился к двери.

В машине он мрачно смотрел в окно. Нечего сказать, удружил ему Чамми! Хотя, с другой стороны, бывшего напарника, прошедшего долгий путь от простого патрульного до руководителя оперативного отдела, понять можно: дело скользкое, скандальное, такое кому ни попадая не поручишь, а ребята у них молодые, толком еще не оперившиеся... Поймав себя на тщеславном самолюбии, МакГроув нахмурился еще больше.

Именно таким – насупленным, серьезным, – его и увидели охранники, несущие службу у ворот, перекрывающих подъезд к особняку, в котором обитал мафиози. В принципе, Тартини мог и не допустить инспектора в свои владения. Нет такого закона! Однако, связавшись с хозяином, стража получила приказ не чинить препятствий, и распахнула створки.

Миновав пруд с розовыми фламинго, МакГроув свернул под сень кипарисовой роши. Через пару сотен метров деревья расступились. На аккуратно подстриженных лужайках кое-где виднелись вешки для игры в гольф. По усыпанным песком дорожкам прогуливались телохранители в пиджаках, под которыми угадывались револьверы в наплечных кобурах.

А вот и домик!

Здание с арками и тонкими изящными колоннами напоминало мавританский дворец. Таковым оно, в сущности, и было, поскольку Тартини вывез его из маленького испанского городка Пуэрто-де-Санта-Мария, что недалеко от Кадиса. В этом был особый шик: не построить, скопировав, а разобрать, вывезти и вновь собрать. Пусть все знают, что Джиованни Тартини может позволить себе любые траты! Пусть знают и боятся.

Инспектора без задержек провели в кабинет, где его встретил улыбкой не в миру располневший за последние годы мафиози.

Улыбка Тартини не могла обмануть инспектора. Он прекрасно понимал, что, будь на то его воля, Тартини в лучших традициях гангстеров прежних времен и с огромной радостью засунул бы его в бочку, залил цементом и утопил в бухте Мидл-сити. Увы, несмотря на все свое могущество, Джиованни Тартини не только не мог поквитаться с регулярно досаждавшим ему инспектором, но даже не рискнул отказать МакГроуву во встрече. К величайшему сожалению мафиози пока не всё и не все продавались, и потому с полицией до поры лучше не ссориться.

В кабинет впорхнула девица, на которой из одежды были только миниатюрные трусики, но Тартини так рявкнул на нее, что девица пулей вылетела вон.

– Какая кошечка, а? А если бы вы знали, какая она умелица! – Мафиози сделал неприличный жест и, лучась довольством, прищелкнул языком.

– Вижу, вы не страдаете от одиночества, – заметил инспектор.

– Вы о Люси? Не удивляйтесь, я уже в курсе. Мне позвонил знакомый журналист из «Мидл-сити дейли миррор». – Мафиози прикрыл глаза рукой, плечи его вздрогнули, будто от рыданий. – Это ужасно, ужасно...

– Оставьте эти игры, – остановил его МакГроув. – Актер из вас никудышный. Блонди вам давно прискучила, это всем известно. Не секрет и то, что вы хотели от нее избавиться. Наверное, из-за этой вашей... э-э... умелицы?

Мафиози поднял на инспектора глаза, в которых не было ни слезинки, ни страха.

– Если бы я хотел ее убрать, то сделал бы это профессионально: пуля, нож, яд... Вы же знаете, есть масса способов лишить человека жизни быстро и без особых хлопот. К тому же, хотите верьте, хотите не верьте, а к Люси я питал самые нежные чувства, и не стал бы давать кому-нибудь из своих ребят задание избить ее до смерти.

– Я вам не верю, – сказал инспектор.

– А это уже ваше дело, – развел руками Тартини.

Инспектор посмотрел на мафиози тяжелым взглядом, повернулся и вышел. Из машины он позвонил по радиотелефону начальнику отдела.

– Ник? Это Джек. Я был у Тартини. Да, это он. Если не сам, то кто-то из его подручных. Ордер на арест? Пожалуй, к прокурору идти рановато, еще нужно собрать доказательства. Будем надеяться, что на этот раз Тартини не отвернется.

Вы тоже считаете, что мафиози причастен к смерти Люси Блонди?

История тринадцатая

В трущобах

Старший инспектор Джек МакГроув с неохотой выезжал в этот район Мидл-сити. Видеть режущую глаза бедность и сознавать, что не в твоих силах что-либо изменить, – кому, скажите на милость, это понравится? Однако выезжать приходилось, так как убийства совершались и здесь, в трущобах, причем гораздо чаще, чем на окраинах, застроенных фешенебельными особняками.

– Наркоманы, проститутки, банды подростков... – перечислял сержант Сноупс. – Какая же шваль здесь обитает!

Инспектор оставил реплику сержанта без ответа. Лично ему районы трущоб представлялись своеобразной резервацией, созданной для того, чтобы обезопасить добропорядочных граждан от тех, кто не смог найти общего языка с действительностью. Это другой мир! Государство в государстве. И жить бы ему по своим законам – бесчеловечным, звериным, жестоким, – но приходит он, Джек МакГроув, полицейский, и начинает диктовать, как следует относиться к ближнему своему. Точно библейский пророк, он твердит: «Не укради!» и уж тем более – «Не убий!». Его слушают, ему подчиняются, опасаясь наказания, возмездия, и... продолжают воровать, убивают снова и снова. Так есть ли смысл в его работе?

– Не спеши, – буркнул МакГроув после того, как сержант сделал несколько рискованных маневров, обгоняя идущие в том же потоке машины. – Ему уже не поможешь.

Сноупс послушно сбросил скорость, пристраиваясь в хвост «кадиллаку» выпуска 1968 года.

– Да, Джо не воскресишь! Давно напрашивался, вот и отправился к праотцам. Кто его? Неужто Нюквист? Ведь в приятелях ходили...

– Разберемся, – проворчал инспектор без особой уверенности. Уж он-то знал: в районе трущоб удавалось раскрыть лишь одно преступление из пяти, а что касается убийств, то здесь соотношение было еще хуже. Круговая порука, всеобщий заговор молчания никак не способствовали торжеству справедливости. А может, обитатели халуп и представители правоохранительных органов просто по-разному понимали, что это такое – справедливость.

Сноупс остановил машину у обшарпанного дома, и уже через десять минут инспектор имел более полное представление о происшедшем. До приезда сюда он знал следующее: ровно в 14.30 в полицейский участок заявился известный задира и драчун Род Нюквист и заявил, что убили Джо-испанца. Дескать, он зашел к приятелю разузнать кое-какие подробности о завтрашних скачках, а тот весь в крови с распоротым горлом...

МакГроуву не раз приходилось сталкиваться с Джо-испанцем. Хотя по-крупному тот закон не нарушал, но грешков за ним водилось множество. Воровал по мелочи, приторговывал краденым, на этом, кстати, инспектор его в свое время и взял. После выхода из тюрьмы Джо оставил прежние занятия и переключился на подпольный тотализатор. «Жучком» он был оборотистым и вполне мог бы жить припеваючи, но его самого сжигала страсть фанатичного игрока. Он частенько брал в долг и еще чаще не спешил с отдачей. Многие имели на него зуб, хотя бы тот же Нюквист, которого неделей раньше Джо «нагрел» на три тысячи долларов, убедив поставить на «темную» лошадку; вопреки обещаниям, коняга приплелась последней. Вряд ли Нюквист был единственным, кого Испанец так ловко провел с якобы стопроцентным фаворитом, наверняка «наварив» на этом немалую сумму. За такие вещи по голове не гладят, так что Сноупс был прав, когда сказал, что Джо-испанец «сам напросился». Здесь убивают и за меньшее!

Дюжий полицейский из местного участка рассказал инспектору, что, когда они с напарником вошли в квартиру, то чуть не поскользнулись в луже крови. Стены тоже были измазаны красным. А в комнате, рядом с трупом, горло которого было рассечено от уха до уха, сидел Барри Сибел, местный великовозрастный дурачок, живущий с алкоголичкой-матерью этажом ниже, и игрался с огромным мясницким ножом. Руки его и штаны были в крови. Нож они отобрали и стали ждать приезда бригады из центрального управления. Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.